

Секция «Иностранные языки и регионоведение»

Индивидуальные импликации концепта «revenge/мечь» в английском языке (на материале романа И. Макьюэна «Искупление»)

Грецкая Софья Сергеевна

Аспирант

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Факультет иностранных языков и регионоведения, Москва, Россия

E-mail: gnole_fungle@mail.ru

Известно, что концептуализация и категоризация являются если не ключевыми, то одними из важнейших процессов познавательной деятельности человека. Структура человеческой мысли характеризуется различными идеальными когнитивными моделями, которые воплощаются посредством систематических связей с воплощенными концептами. По Дж. Лакоффу, «человеческая категоризация есть в своей сущности продукт человеческого опыта и воображения» [1:23], и концепт является воплощенным, если его содержание или другие признаки мотивированы физическим или социальным опытом [1:209].

Настоящая статья посвящена исследованию индивидуальных импликаций концепта «revenge/мечь» (на материале романа И. Макьюэна «Искупление» [2]) как когнитивной модели «выделяющихся (salient) примеров» [1:126] – модели, отличной от типичного или, например, стереотипного восприятия данного концепта в английском языке и культуре. Целью является демонстрация несоответствий между закрепленными в словарях значениями типичных языковых репрезентаций концепта «revenge/мечь» в английском языке и теми смыслами исследуемого концепта, которые реализуются в дискурсе. Для анализа выбрано художественное произведение – продукт креативного мышления автора, его индивидуального творчества. Материалом для исследования послужил роман И. Макьюэна «Искупление» как один из примеров реализации темы ответа злом на зло, так или иначе проявляющейся во многих произведениях данного писателя.

Роман И. Макьюэна «Искупление» посвящен попытке женщины, жестоко оклеветавшей в тринадцатилетнем возрасте в силу юношеского тщеславия возлюбленного своей старшей сестры и разрушившей семейные отношения накануне Второй мировой войны, искупить свою вину перед близкими посредством написания книги, которая дала бы несправедливо обиженным людям надежду на воссоединение и счастье.

Результаты исследования позволяют заключить, что концепт «revenge/мечь» раскрывается в данном произведении тремя способами.

Первый же обнаруженный в выбранном произведении образ, репрезентирующий концепт «revenge/мечь» – это банальная в своей незначительности отместка – поддразнивания между братом и сестрой: Сесилия сумела рассмешить брата неожиданной гримасой во время самодовольного монолога его приятеля. Леон же, воспользовавшись сменой темы – теперь заговорили о Робби, друге детства Сесилии и Леона, с которым Сесилия недавно поссорилась – обращается к приятелю: «He was in a teasing mood. **Revenge** perhaps. He said to his friend, “So the cleaning lady’s son gets a scholarship to the local grammar, gets a scholarship to Cambridge, goes up the same time as Cee – and she hardly speaks to him in three years!» [2:30]. В данном случае автор использует наиболее типичную языковую репрезентацию концепта «revenge/мечь» – лексему «revenge».

Однако необходимо заметить, что в описанном эпизоде речь не идет собственно о мести, о причинении зла в ответ на серьёзную обиду [3; 4; 6], а скорее о подшучивании брата и сестры друг над другом: конкретная языковая репрезентация «revenge» не полностью соответствует своему словарному значению, за ней скрывается одна из граней концепта «revenge/месть», которую, возможно, более точно можно было бы обозначить при помощи иных языковых репрезентаций, например, фразового глагола «to get even with».

Другое направление раскрытия выбранного для исследования концепта «revenge/месть» в романе «Искушение» – это вымещение зла, которое герои держат на обидчика, на персонажах, не являющихся обидчиками, но имеющих с ними косвенную связь, будь то крапива, символизирующая в сознании Брайони её кузенов («A tall nettle with a preening look, its head coyly drooping and its middle leaves turned outward like hands protesting innocence – this was Lola, and though she whimpered for mercy, the singing arc of a three-foot switch cut her down at the knees and sent her worthless torso flying. This was too satisfying to let go, and the next several nettles were Lola too; <...> Then she rose again, brazen with her various sins – pride, gluttony, avarice, uncooperativeness – and for each she paid with a life. <...> When Lola had died enough, three pairs of young nettles were sacrificed for the incompetence of the twins – *retribution* was indifferent and granted no special favors to children» [2:43]), неудачные попытки на драматургическом поприще или особенности взаимоотношений ребёнка со взрослыми [2:43], или военный в лётной форме, воплощавший для артиллеристов, моряков и пехотинцев британские ВВС, и, значит, все причины поражения английской армии на территории Франции [2:142-144], медсёстры как представительницы «безмозглого начальства» для раненых [2:180], Робби как неосуществившаяся детская мечта Брайони [2:130-133].

В первом эпизоде обращает на себя внимание «retribution», то есть суровое наказание справедливо заслуженное с точки зрения морали [5], тогда как сюжет никак не оправдывает размах, с которым девочка хлещет крапиву – она лишь зла на кузенов за то, что те срывают постановку её пьесы. Таким образом, «retribution» в данном контексте не раскрывает особенности своего словарного значения, а приравнивается автором к «revenge». Из последних трёх упомянутых эпизодов, только в третьем один раз употребляется «to avenge», в остальных же вообще не используются типичные способы вербализации концепта «revenge/месть» в английском языке – само описание ситуации подводит читателя к заключению о том, что данные контексты аналогичны эпизоду с крапивой.

Наконец, исследуемый концепт представлен как основная проблемная ситуация романа, порожденная воспалённым воображением эгоистичной девочки-подростка и проецируемая на живого взрослого человека, который, испытывая естественную человеческую неприязнь, а временами и откровенную ненависть по отношению к своему обидчику («Yes, she was just a child. But not every child sends a man to prison with a lie. Not every child is so purposeful and malign, so consistent over time, never wavering, never doubted. A child, but that had not stopped him daydreaming in his cell of her humiliation, of a dozen ways he *might find revenge*. In France once, in the bitterest week of winter, raging drunk on cognac, he had even conjured her onto the end of his bayonet. <...> It was not reasonable or just to hate Briony, but it helped» [2:130]), не опускается до причинения ему зла в ответ на все свои незаслуженные страдания, о чем свидетельствует как исполь-

зование автором модального глагола при «revenge», так и сюжет. Возмездие над собой свершает сам «обидчик» (такого элемента в словарных значениях «revenge» и других типичных языковых репрезентаций концепта «revenge/месть» в английском языке нет). Брайони же постепенно отдаёт себе отчёт в том, что в максималистском детском порыве намеренно разрушила жизнь нескольким людям, в том числе и себе. Это возмездие тем тяжелее, что осознание всего масштаба причиненного вреда приходит с возрастом, и эту идею подтверждает тот факт, что свою книгу-искупление Брайони переписывала несколько раз в течение пятидесяти девяти лет – а это больше половины сознательной, «взрослой» жизни героини.

Литература

1. Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи. М.: Языки славянской культуры, 2004.
2. McEwan I. Atonement. New York: Nan A. Talese, 2002 (351 p., ISBN: 0385503954) ebook.
3. COBUILD English Language Dictionary 2nd Edition: Helping Learners with Real English, 1996.
4. The Oxford English Dictionary, 1987.
5. Webster's New Dictionary of Synonyms: A Dictionary of Discriminated Synonyms with Antonyms and Analogous and Contrasted Words, 1984.
6. Webster's New Universal Unabridged Dictionary 2nd Edition, 1972.